

Особой задачей является исследование истоков литературного этикета. Предполагается, что «часть этикетных правил взята из жизненного обихода, из реальной обрядности».⁴² Конкретный материал подтверждает эту мысль.

Так, вероятно, именно строгая обрядность похорон способствовала выработке столь же строгого этикета их описания. Неоднократно упоминаемый в этих описаниях «плач великий», возможно, имел место и в жизни, являясь элементом еще языческого похоронного ритуала. Следы такого ритуала долгое время сосуществовали с христианской обрядностью. Косвенное указание на это можно видеть в описании погребения князя Михаила в языческом Муроме: «Невѣрнии же людие, видяще сия (христианский обряд погребения), дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребение . . . ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедрания, ни плача безмѣрнаго не творяху».⁴³ Характерно также, что в записях XV—XVI вв. упоминания о «плаче» становятся все реже и носят все более условный, чисто «литературный» характер. В качестве примера приведем несколько фрагментов из статьи о преставлении Дмитрия Ивановича Углицкого по Типографской летописи (под 1521 г.): «. . . и бысть плачь и рыдание велие не токмо въ дому его, но и въ всемъ градѣ сѣтование неутолимо, и юныя отрочата клича и слезъ домы своя исполняша, аки по своихъ родителехъ слезы лияше . . . Нищия же и убогия от неразумия с великия печали драше лица своя, горце же слезы лияше, не токмо ризы свои слезами мочаше. но и землю».⁴⁴

Можно попытаться обнаружить и источники отдельных устойчивых словосочетаний. Некоторые из них пришли в древнерусский литературный язык из переводных памятников, в частности библейских книг. Другие, как можно предположить, имели широкое распространение в живой речи, являлись устными «этикетными формулами», позднее отраженными в письменных памятниках. Приведем пример.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня говорится, что Ольга «старѣйшины . . . града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предастъ мужемъ своимъ» (ПВЛ, под 946 г., стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе внимание: здесь не заметно следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. В этом произведении, несомненно близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть — «изымана», взята в плен. Например: «. . . на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);⁴⁵ «. . . а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изымаша» (стр. 160); «. . . идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). Можно предположить, что в «Поучение» Мономаха эта традиционная формула попала из живой военной терминологии. Начиная с записи 1148 г. эта формула необыкновенно часто встречается в Ипатьевской летописи.⁴⁶

⁴² Д. С. Лихачев. Литературный этикет. . . , стр. 9.

⁴³ См.: Сказание о житии . . . благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Феодора. — Памятники старинной русской литературы, вып. 1, СПб., 1860, стр. 231.

⁴⁴ Типографская летопись. — ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 219.

⁴⁵ Цит. по: Повесть временных лет. М.—Л., 1950.

⁴⁶ Например: «. . . и бѣжашимъ имъ овѣхъ избиша, а другия изымаша. . .» (Ипат. лет., под 1151 г., стлб. 438); «. . . много ихъ избиша, а другия рукама изымаша»